

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Язык, знание, понимание

**«ЗНАНИЕ-ПО-ОПИСАНИЮ» И ПРОБЛЕМА
ПОНИМАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ**

А.Ю. НЕСТЕРОВ

Антитеза знание-по-описанию/знание-знакомство была предложена Б. Расселом в 1912 г. в работе «Проблемы философии»¹ как конструкция, позволяющая, с одной стороны, отличать данные представления от данных восприятия, с другой стороны, – ставить вопрос о свойствах и сущности объектов представления, полученных через описание. В первом случае значимость этой антитезы раскрывается как проблема соотношения знания, получаемого без опосредования языком (знакомства) и знания, получаемого исключительно в языковой форме без возможности безязыкового формирования знания (описания). Речь здесь идет об обсуждаемой, начиная с «Кратила» Платона, проблеме соотношения языка, сознания и реальности. Во втором случае значимость этой антитезы формулируется как проблема непротиворечивой, или логически корректной, взаимосвязи между дескрипцией (как суждением, обладающим истинным значением и смыслом), субъективным представлением и объектом этого представления. Здесь речь идет об актуальной, начиная со статьи Г. Фреге 1892 г. «О смысле и значении»², проблеме воздействия структур языка на объекты представления, не являющиеся языковыми, и о возможности существования этих объектов вне языка. Другими словами, – о проблеме обоснования с помощью опыта внеопытных объектов представления, которые далеко не всегда могут быть получены через причинно-следственное отношение или отношение следования.

Если понятие знания отсылает нас к сугубо логическим конструкциям (которые могут быть введены в контексте аристотелевой логики как системы дедуктивного вывода, гегелевской логики как онтологии духа или же в контексте логических программ XX в.), подразумевающим знание как некоторый (обусловленный соответствующим наличной традицией критерием) истинный способ фиксации субъект-объектного отношения или обоснованное истинное убеждение³, то понятие ситуации подразумевает конструкцию феноменологического характера, описывающую условия возможности знания (в терминах «жизнь», «жизненный

мир», «горизонт» и т.п.). Соответственно, исследование ситуации знания-по-описанию предполагает выявление условий, при которых возможно истинное субъект-объектное отношение, сформированное не гносеологически, но коммуникативно, т.е. не средствами гносеологического аппарата, но средствами языка. Таким образом, знание-по-описанию нуждается в коммуникативном обосновании истинности лежащих в его основании убеждений. Сказанное формулируется в виде ряда вопросов: при каких условиях мы знаем больше, нежели воспринимаем? Какова структура этого знания? Подчинена ли структура этого знания языку описания или тому, что известно как знакомство, т.е. эмпирически?

Понятие моделирования подразумевает воссоздание структуры моделируемого объекта в соответствии с заданной целью. Предполагая, что в общем случае цель воссоздания объекта заключается в его познании или понимании, можно говорить о том, что моделирование всегда подчинено либо структуре акта познания, либо структуре акта понимания. Если моделирование объекта раскрывается как его понимание, тогда в качестве требований, предъявляемых к структуре этого процесса, функционируют сформулированные в истории герменевтики технические принципы понимания (четырёхступенчатая позитивная формула герменевтики Ф.Д.Э. Шлейермахера, каноны интерпретации Э. Бетти, интерпретационные требования Э.Д. Хирша, принципы введения наукой своего объекта М.К. Мамардашвили, ступенчатые формулы понимания В. Кюнне и О.Р. Шольца и т.п. – сводимые к принципам историзма и системности)⁴. Если моделирование объекта раскрывается как его познание, тогда в качестве таких требований функционируют технические принципы объяснения как выявления истинности / ложности объекта в его отношении к себе и к системе (логический и структурный анализ, интерпретация, соразмерная индуктивным, дедуктивным или абдуктивным моделям познания, и т.п.).

Поскольку понятие моделирования подразумевает перечень конкретных действий в отношении объекта, позволяющих добиться цели, т.е. познания или понимания, возникает вопрос о терминологической фиксации данного перечня, т.е. о языке моделирования. В случае знания-по-описанию возникает проблема языка, на котором были бы сформулированы условия возможности знания, полученного посредством языка. Проще говоря, возникает проблема языка, на котором можно было бы говорить о предметных конструкциях, возникающих внутри другого языка. Может также возникнуть проблема общего языка, который был бы однозначным (каждому знаку соответствовало бы только одно значение), не содержал бы в себе логических противоречий (не допускал бы самоприменимости) и выступал бы в качестве эталона (идеала) для прочих языков. В истории новоевропейской философии эту мысль впервые высказал Ф. Бэкон, а разработал – Г.В. Лейбниц.

Не углубляясь в историю философии языка, следует отметить, что на рубеже XIX – XX веков проблема логически непротиворечивого языка или универсального научного языка, общего как для представителей наук о духе, так и для представителей наук о природе, была практически одновременно поставлена в программе логицизма (Г. Фреге), в философии прагматизма (Ч.С. Пирс), в системно ориентированных лингвистических исследованиях (Ф. де Соссюр). Чуть позже – в гносеологических исследованиях (Э. Кассирер). Указанных исследователей и соответствующие философские традиции объединяет стремление выявить способ и формы существования функции обозначения как таковой, безотносительно к конкретным языкам и системам номинаций. Носитель функции обозначения, знак, мыслится как объект, сущность которого заключена в его функции обозначения.

Мысль о том, что любое знание возникает в ситуации обозначения (означивания), будь то означивание средствами гносеологического аппарата, или средствами коммуникации или, как выражается Р. Рорти, «лингвистический поворот», характеризующий философию XX в., – это то, что позволяет говорить о семиотике как о специфическом способе непротиворечивой терминологической фиксации ситуации обозначения и тем самым – о проблемах, не разрешимых вне семиотики. После Г. Фреге необходимо в акте обозначения различать знак, значение и смысл⁵; после Ч.С. Пирса – знак (репрезентатив), объект, идею (когнитивное отношение), интерпретанту (значение)⁶, в более строгой терминологии Ч.У. Морриса – знаковое средство, денотат (или референт), десигнат и интерпретанту⁷; после Ф. де Соссюра – означающее (сигнификант) и означаемое (сигнификат)⁸, функционирующие в дихотомии языка (кода) и речи (сообщения, возможного благодаря наличию кода), в терминологии Л. Ельмслева⁹ и Ю.М. Лотмана¹⁰ приведенные категории формулируются как план выражения (означающее) и план содержания (означаемое). Пользуясь представленными терминами можно было бы сформулировать гипотезу о том, что знание-по описанию как знак, указывающий на определенный объект, – это знак, в котором, по Фреге, есть смысл, но нет значения (и тем самым к нему неприменима характеристика истинности/ложности); по Пирсу – это знак, обозначающий «непосредственный объект», т.е. объект, «как он представлен самим знаком и бытие которого... зависит от репрезентации в знаке»¹¹, по Ч.У. Моррису – знак, впервые создающий свой объект как референт (у Морриса термин «референт» указывает на создаваемый в акте обозначения объект, в отличие от термина «денотат», указывающего на реально существующий и независимый от данного акта обозначения объект), по Ю.М. Лотману в случае такого рода знаков мы имеем дело с вторичной моделирующей системой, создающей, в отличие от естественных, первичных систем, свои объекты.

Существенная проблема, возникающая при выражении знания-по-описанию в терминах семиотики, — это соотношение в сознании реципиента знака субъективного представления и значения, создаваемого данным знаком. Для знания-знакомства и соответственно для естественного языка, описывающего данные в восприятии объекты, это соотношение может быть описано как отражение, или как корреспонденция, обусловленная общей логической формой в смысле Л. Витгенштейна. Для знания-по-описанию, в ситуации описания того, что для реципиента отсутствует в непосредственном эмпирическом опыте или опыте переживания, необходимо либо предположить однозначную заданность семантических отношений синтаксическими и таким образом сохранить изоморфизм структур языка и структур сознания (т.е. такую ситуацию, в которой способ данности объекта знаком (смысл) определяет сам объект (значение) — это положение дел наиболее радикально представлено, например, в гипотезе Сепира — Уорфа), либо согласиться с тем, что данный синтаксис, устанавливающий место для каждого отдельного знака, подразумевает определенный набор фактов как условий собственной истинности¹², вне зависимости от того, возможны эти факты в опыте или нет. В первом случае мы получаем модель редукции типа «о чем нельзя говорить, о том нужно молчать»¹³, во втором — конструктивистскую модель типа «все, что выдуманно, существует».

Однако эта предельно общая антитеза не может быть здесь предметом анализа. Чтобы сформулировать возможности моделирования ситуации знания-по-описанию, необходимо поставить вопрос о типах (или идеалах) рациональности, в контексте которых функционирует данное знание, или хотя бы о разграничении объектов знания, в отношении которых возможно непосредственное или опосредованное коммуникацией знание. После В. Дильтея¹⁴ можно говорить о существенной разнице в способах существования объекта гуманитарных наук (наук о духе) и объекта естественных наук (наук о природе): первые получают его косвенным познанием или рефлексией, а вторым он дан непосредственно в прямом познании. Если учитывать эту антитезу, то проблему функционирования непротиворечивого языка, как она рассматривалась до сих пор, можно представить иначе. А именно, можно допустить, что знание-по-описанию для реципиента (а представляется, что о знании мы вообще можем говорить лишь с позиции того, чье сознание обладает тем или иным способом полученным убеждением), раскрывается *не только как информация об опытно не данных объектах, но и как информация о структурах опыта, в которых формируются объекты*. Другими словами, мы сейчас предполагаем, что ситуация коммуникативно обусловленного знания в значительной части случаев указывает на данные рефлексии или косвенного познания, не очевидные (или еще не известные) для реципиента. В качестве

основания для данной гипотезы можно указать на то, что для языка наук о природе, выражающего данные прямого познания, действительно необходим изоморфизм выражения и содержания, а для языка наук о духе, выражающего данные наблюдения за наблюдением (т.е. фиксирующего в языке информацию, которая уже оформлена языком в системе прямых номинаций), — характерна и необходима так называемая асимметрия смысла и значения, или ситуация множества гипотетически истинных значений при одном выраженном смысле. Следствие, вытекающее из данной гипотезы, заключается в том, что знание-по-описанию для наук о духе, если оно истинно, сводимо к знанию-знакомству неэмпирического характера. В качестве адекватного данной ситуации определения истины может служить формулировка Г.В.Ф. Гегеля: «Истина — это согласие содержания с самим собой»¹⁵. Неэмпирический перевод знания-по-описанию в знание-знакомство возможен, например, как философская пропедевтика: любое знание о метафизических предметах (сознание, язык, бытие, время и т.п.) возможно лишь как знание-по-описанию. Истинным же оно будет лишь при условии знания о невозможности объективного определения целого через часть этого целого, т.е. знания-знакомства, реализуемого лишь практически, в попытке такого определения.

Если сказанное верно, то ситуацией, выступающей в качестве условия истинности знания-по-описанию, является знание-знакомство. Иллюстрируя сказанное через антитезу познание/понимание (а эта антитеза характеризует противопоставление наук о природе и наук о духе, т.е. в нашем случае — способ данности объекта сознанию реципиента) и подразумевая, что понимание всегда выступает в качестве условия возможности и целевого результата познания, можно утверждать, что знание-знакомство неэмпирического характера выступает не только в качестве необходимого основания для моделирования ситуации знания-по-описанию, но и в качестве ее целевого результата. Это рассуждение позволяет наметить способ формализации рассуждений о неэмпирических объектах и, в частности, — один из способов корректного (в том числе и с физикалистской точки зрения) рассуждения о метафизике.

Знание-по-описанию в науках о духе реализуется как моделирование объектов, в которых фиксируются формы духа (как способы осуществления знания), соответственно моделирование этой ситуации — это создание структуры, в которой может возникнуть другая структура, отсылающая к данным объектам. Если в науках о природе (язык которых ориентирован на выявление множества смыслов одного истинного значения) это приводит к размыванию границ объекта и, как следствие, — к бессмысленности, то в науках о духе (язык которых ориентирован на выявление множества значений одного истинного смысла) приводит к очерчиванию границ объекта. Так что этот объект впервые может быть получен как

знание-знакомство. Сказанное позволяет утверждать, что семиотическое выражение феноменологических моделей описания знания и тех моделей, что известны, например, из программ логицизма, допускает снятие жесткого противоречия между языковыми моделями наук о природе и наук о духе. А это, в свою очередь, допускает формализацию, в том числе и метафизических конструкций.

Возникающая здесь проблема понимания формулируется как вопрос о способах воссоздания значений в ситуации знания-по-описанию индивидуальным сознанием, равно как и вопрос об индивидуальных содержаниях, возникающих в таком воссоздании. Сам термин «понимание» требует уточнения содержания, объема и статуса, т.е. аналитической или технической дефиниции.

В контексте эпистемологии представляется возможным исходить из антитезы познание/понимание, допуская, что понимание — это деятельность индивидуального сознания, отличная от познания как объяснения или моделирования данных восприятия средствами рассудка и разума. Фактически эта модель была предложена И.Г. Дройзенем в противопоставлении спекулятивного метода познания, физического метода объяснения и исторического метода понимания. В начале XX века эту антитезу использует В. Дильтей, определяя понимание как «обнаружение Я в Ты... как самооткровенность Духа в Я, в Ты, в любом субъекте любого сообщения»¹⁶, т.е. как условие успешности коммуникации. В разграничении элементарных и высших форм понимания Дильтей предлагает две классических дефиниции: на элементарном уровне (в отношении выражения к тому, что *в нем* выражено) понимание раскрывается как «процесс распознавания внутреннего по знакам, даваемым нам чувствами извне», на высшем уровне (в отношении выражения к тому, что выражено *через него*) — как экзегеза, «искусная интерпретация длительно фиксируемых жизненных проявлений»¹⁷. Этот способ определения понятия понимания используется и Э. Бетти, который раскрывает «понимание» как «узнавание и воссоздание смысла, посредством Духа, обращенного к мыслящему Духу через формы своей объективации»¹⁸.

Легко увидеть, что понимание в формулировках, использующих таким образом понятие духа, — это на самом деле рефлексивное познание, так что антитеза познание/понимание служит лишь для уточнения и конкретизации механизмов познания в онтологии объективного идеализма. Познание как объяснение — это деятельность, осуществляемая индивидуальным сознанием с помощью механизмов, присущих именно индивидуальному сознанию. Понимание же — это деятельность, осуществляемая индивидуальным сознанием лишь через снятие собственной индивидуальности, т.е. с помощью механизмов, присущих социальному сознанию или посредством форм объективного духа. Таким образом, конкретный вопрос о понимании превращается в ряд вопросов антропологии

или социальной философии, имеющих лишь косвенное отношение к проблеме понимания, таких как соотношение индивидуального и социального, форма социального в индивидуальном в контексте проблемы идентичности и т.п.

В контексте неидеалистической эпистемологии понимание можно ввести как некоторый способ работы с текстом, как процесс распознавания смыслов текстов, отличный от познания как распознавания значений. Известно, что понятие текста в терминологии Ф. де Соссюра раскрывается в качестве фиксированной речи на определенном языке, в терминологии Ю.М. Лотмана — в качестве того, что обладает признаками структурности, отграниченности и выраженности, в терминологии Н. Лумана — в качестве системы, противостоящей окружению, в моделях теории информации — в качестве сообщения, возможного при наличии кода, или сигнала, распознаваемого в шуме. В определениях понятия текста очевиден изоморфизм текста и знака, так что для предметного анализа структурные модели взаимозаменяемы с моделями логического анализа, восходящими к Г. Фреге. Эта взаимозаменяемость очевидна, например в представлении о значении как инварианте у Б. Рассела, где значение — это «свойство предложения, которое сохраняется во всяком точном переводе»¹⁹, а также у Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, где значение есть «инвариант при обратимых операциях перевода»²⁰.

Соответственно как для структурного анализа, так и для программы логицизма существенной проблемой является анализ сигнификата знака (означаемого, смысла, десигната, интерпретанты, концепта, плана содержания текста). Поскольку область содержания — это область индивидуального понимания (скажем, в рецептивной эстетике — это область произведения как «конституированности текста в сознании читателя»²¹), постольку преодоление психологизма в этой сфере должно осуществляться не в терминах собственно структурной теории, ориентированной на познание, а в контексте терминологической модели, ориентированной на понимание.

Если подойти к проблеме понимания в контексте онтологии и рассмотреть понимание как некоторое отношение между элементами сознания (как фактами, объектами, содержаниями или знаками) или как отношение между элементом сознания и сознанием как таковым, то можно отметить, что отношение понимания раскрывает так-бытие (So-Sein) объекта в отличие от отношения познания, раскрывающего вот-бытие или наличное бытие (Da-Sein) объекта. Если верна сформулированная выше семиотическая гипотеза, в соответствии с которой знание об объекте может быть рассмотрено в качестве знака, тогда процедура познания раскрывает его значение или денотат (т.е. предмет, на который указывает знак, и соответственно, то, что выступает

условием истинности данного знака, если он реализуется как суждение, высказывание или текст), а понимание раскрывает его смысл (сигнификат, или содержание).

Если рассматривать понимание как отношение между элементами сознания, то дефиниции понимания будут производными от определения сознания. Соответственно традиции можно рассуждать о сознании (как об отношении сознания к предмету, или о субъект-объектном отношении) как практическом или теоретическом, так что дефиниции понимания будут либо описывать прикладную деятельность понимания, либо теоретически моделировать принципы практической деятельности понимания и отвечать на вопрос «как возможно понимание?». Деление герменевтики в соответствии с возможностями дефиниций понимания было осуществлено, например, Г. Шольцом²² и включает техническую герменевтику, философскую герменевтику и герменевтическую философию. Критерий, позволяющий отличать аналитическую модель от спекулятивно-умозрительной, прост: «Если мы хотим знать, определять нам какую-то герменевтику как “техническую” или как “философскую”, нужно лишь спросить, преобразуются ли ее высказывания в нормы интерпретации»²³. Сходным образом Э. Бетти выделяет три задачи интерпретации (где интерпретация обозначается «как действие и метод, успехом и целевым результатом которого является понимание»): рекогнитивную, нормативную и репродуктивную²⁴, фактически устанавливая изоморфизм интерпретации и структурного анализа.

Проблема понимания в задачах структурного и логического анализа текста может быть поставлена лишь технической герменевтикой (которую можно было бы назвать «аналитической герменевтикой»). У Ф. Шлейермахера в XIX в. — это та дисциплина, что исходит из «факта непонимания речи»²⁵ и вводит понимание как воссоздание данной нам речи через так называемую четырехступенчатую позитивную формулу герменевтики²⁶. В XX веке задачу аналитической герменевтики формулирует, например, Г. Альберт: «Вопрос “как возможно понимание” должен быть заменен на вопрос о реальных условиях деятельности понимания и рассмотрен в качестве проблемы реальной науки»²⁷. Развернутую модель понимания как работы индивидуального сознания с речью (в том числе и с фиксированной речью, т.е. текстом) предлагает среди прочих В. Кюнне²⁸, выделяя 6 ступеней понимания: 1) перцептивное, 2) буквальное, 3) буквальное в данном контексте, 4) схватывание пропозиционального смысла выражения, 5) понимание модального смысла выражения, 6) понимание как объяснение действия говорящего субъекта (как раскрытие контекста, в котором его высказывание объяснимо). Критика психологизма в этой модели проявляется в очевидном снятии антитезы понимание/объяснение, так что объяснение реализуется как одна из ступеней понимания,

понимание же в свою очередь — как необходимое условие возможности объяснения. Аналитическая модель понимания представляет собой синтез моделей познания и понимания, подразумевающий существование этого противопоставления в качестве своей необходимой предпосылки.

Техническая герменевтика в качестве аналитической модели, обеспечивающей эксплицируемость содержания или смысла текста, имеет дело: 1) с восприятием, 2) со снятием непосредственности восприятия в знаке и (2.1) со включением данного знака в систему кодов, 3) с выявлением отношения знака к денотату (отношения текста к условиям, при которых оно может быть истинным), 4) с выявлением отношения субъекта знака к знаку как к осуществляемому им действию. Таким образом, вводимое технической герменевтикой понимание реализуется как коррелят процесса познания или интерпретации (где в понятии интерпретации обобщается многообразие методов практического познания). Пожалуй, самый простой способ различения интерпретации и понимания предлагает А. Бюлер: «Понимание — это всегда правильное понимание (*Richtig-Verstehen*). Интерпретация, напротив, может быть правильной или неправильной, как минимум успешной или неуспешной. Интерпретирование, таким образом, не обязано заканчиваться успехом»²⁹. Соответственно, интерпретация — это деятельность, возможным, но не обязательным результатом которой является понимание. Так может быть снято противопоставление интерпретации и анализа как методов работы исследователя, например, с художественным текстом. Интерпретация именно в качестве общего термина для различных методов анализа противопоставляется пониманию как целевому результату, подразумевающему определенное соотношение элементов или содержаний сознания (исследователя), отличное от того соотношения, что было до данной интерпретации.

Сказанное можно выразить на языке философской герменевтики так: распознавая в восприятии текст на определенном языке (а «все, что можно понять — это язык»³⁰), человек в акте понимания устанавливает место данного текста (как языковой деятельности) в данной ему действительности. Понимание соответственно раскрывается как необходимый коррелят познания, как в качестве подразумеваемого результата познания, так и в качестве условия его возможности. Другими словами, понимание в техническом или аналитическом значении этого термина — это не только результат интерпретации, возникающий в индивидуальном сознании исследователя, и не только необходимое условие возможности (предпонимание) интерпретации, но и оборотная сторона деятельности познания, требующая терминологической фиксации.

Истинность знания-по-описанию как результата интерпретационной деятельности, осуществляемой индивидуальным сознанием, существенно определена механизмом интерпретации. Можно

утверждать, что логический анализ высказываний (предложений) и структурный анализ текста как виды интерпретации в ситуации знания-по-описанию являются единственными методами установления значений, так что их генезис (логика, лингвистика или герменевтика) большой роли для предметно-ориентированного исследования уже не играет. В каждом из этих методов возникает проблема понимания не только как проблема смысла, содержания или собственно понимания, но и как проблема конституирования значений некоторой коммуникативной конструкции в виде знания. Решение этой проблемы осуществляется через выявление результатов и условий возможности данного метода, проводимое в контексте онтологической модели понимания, в которой снятая оппозиция понимания и познания выступает в качестве необходимого основания предметной фиксации практической деятельности понимания.

Примечания

¹ См.: *Russell B.* The Problems of Philosophy. – London, 1912.

² См.: *Фреге Г.* О смысле и значении // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. – М., 2000.

³ См.: *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. – М., 2002; *Лебедев М.В., Черняк А.З.* Аналитическая философия. – М., 2006.

⁴ См. подробнее: *Нестеров А.Ю.* Семиотическая схема познания и коммуникации. – Самара, 2008.

⁵ См.: *Фреге Г.* О смысле и значении. – С. 230 – 246.

⁶ См.: *Nöth W.* Handbuch der Semiotik. – Stuttgart; Weimar, 2000. – S. 59 – 70.

⁷ См.: *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.; Екатеринбург, 2001.

⁸ См.: *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – М., 2004.

⁹ См.: *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. I. – М., 2002.

¹⁰ См.: *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю.М.* Об искусстве. – СПб., 1998.

¹¹ Цит. по: *Nöth W.* Handbuch der Semiotik. – S. 63.

¹² Ср. *Patzig G.* Satz und Tatsache // *Patzig G.* Sprache und Logik. – Göttingen, 1981.

¹³ *Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus. – F.a.M., 1999. – S. 85.

¹⁴ См.: *Dilthey W.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. – F.a.M., 1981.

¹⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1974. – С. 126.

¹⁶ *Dilthey W.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. – S. 235.

¹⁷ *Дильтей В.* Возникновение герменевтики // *Дильтей В.* Собр. соч. В 6 т. Т. 4. – М., 2001. – С. 238 – 239.

¹⁸ *Betti E.* Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre. – Tübingen, 1988. – S. 15.

¹⁹ *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы. – М., 2000. – С. 108.

²⁰ *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – С. 45.

²¹ *Iser W.* Der Lesevorgang // *Warning R.* (Hrsg.) Rezeptionsästhetik: Theorie und Praxis. – München, 1993. – S. 253.

²² См.: *Scholtz G.* Was ist und seit wann gibt es «hermeneutische Philosophie»? // *Dilthey-Jahrbuch*. Bd. 8. – Göttingen, 1992 – 1993.

²³ *Ibid.* – S. 104.

²⁴ *Betti E.* Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre. – S. 13, 58.

²⁵ *Schleiermacher F.D.E.* Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress. Berlin, 1984. – Berlin; N. Y., 1985. – S. 1271.

²⁶ См.: *Schleiermacher F.D.E.* Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. – F.a.M., 1977. – S. 93 – 94.

²⁷ *Albert H.* Hermeneutik und Realwissenschaft. Die Sinnproblematik und die Frage der theoretischen Erkenntnis // *Bühler A.* (Hrsg.) Hermeneutik. – Heidelberg, 2003. – S. 43.

²⁸ См.: *Künne W.* Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung // *Bühler A.* (Hrsg.) Hermeneutik. – Heidelberg, 2003. Анализ и подробная разработка представляемых В. Кюнне принципов понимания осуществляются в работе О.Р. Шольца «Понимание и рациональность» (*Scholz O.R.* Verstehen und Rationalität. – F.a.M., 2001).

²⁹ *Bühler A.* Die Vielfalt des Interpretierens // *Bühler A.* (Hrsg.) Hermeneutik. – Heidelberg, 2003. – S. 119.

³⁰ *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1990. – S. 379.

Аннотация

В статье рассматривается возможность использования метода семиотического моделирования для анализа знания по описанию, обсуждается употребление терминов «понимание» и «интерпретация».

Ключевые слова:

понимание, интерпретация, семиотика, герменевтика, знание-по-описанию.

Summary

The subject matter of the speculation is the possibility of usage of semiotic modeling method for the analysis of the «knowledge by description», the usage of terms «understanding» and «interpretation» is also discussed.

Keywords:

understanding, interpretation, semiotics, hermeneutics, knowledge by description